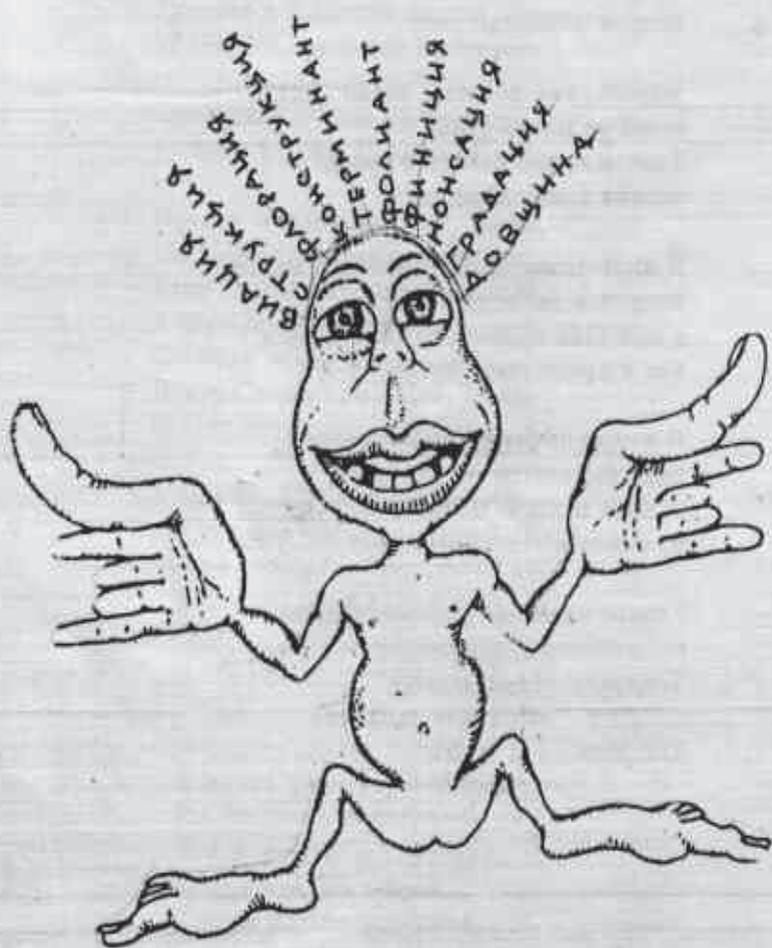

НЕБРИТЫЙ

ИНТЕЛЛЕКТ

НЕБРИТЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Много пришло и много ушло
в головы и из них.
Вспухал и вновь опадал лоб,
вбирая лохмотья книг.

Мысли, как волосы, лезли сквозь
нежную плоть души.
Тезиса криво забитый гвоздь
череп костя крушил.

В кишечнике мозга варилась мысль,
испуская последний сок,
а лик был мрачен, угрюм и кисл,
как старого сыра кусок.

В чащах небритого интеллекта
тьма паразитов гнезда вьет.
Пухнет мордой похмельный лектор
и, соловья, студент живет.

Глянь: мириады грустных калек
прорастают в дурной тиши...

Товарищ!

Не можешь обрить интеллект?

Т а к х о т ь п р и ч е ш и !

ВАМ, НЕОКРАШЕННЫМ!

Лирозпичекая поэма

Глава 1. С ё м а О т р о к .

*Пускай об этом помнят дети:
погода ветренной была!
Дон Эрветтер*

Прекрасный Рыцарь Ерусланъ,
Толкая Афедроном Мула,
Тащился медленно в Милан.
Мул был прожорлив, как Акула,
Но Рыцарь тоже был Зубаст:
Стащил в Таверне он два Стула
И старый, ржавый Контрабас.

Сопливый Отрок на Дороге
угрюмо чистил Щепкой Ноги.

Кругом мелькали Горы, Долы,
По Небу Спутник пролетал.
Был Рыцарь яростно-веселым,
А Мул мистически икал.
Доспехи жали тут и там.
Вокруг мелькали Горы, Долы
И Пот струился по Бокам.

А мрачный Отрок на Дороге
все так же чистил Щепкой Ноги!

Глава 2. С ё м а ф и л о с о ф

Ах, Франция!

То-есть, извините, Италия.

Ш. Опенгауэр

В вечно радостном Милане
На балконе, под Луной,
Вся в мечтах о Еруслане,
Синьорита без одной
Туфли ножку опустила
Сквозь чугунные перила.

Вдруг ударил барабан!
Вдруг приехал Еруслань!!
Он ударил в Контрабас
И вскричал: “Кара - Барас!!!”

Без волнения, без движенья,
не меняя положенья,
мрачный отрок на дороге
пребывал в мечтах о Боге.

Глава 3. С е м а о т р а щ и в а е т и н т е л л е к т

Настоящему индейцу

нужно только лишь одно...

Да и этого не нужно.

Монтигосо Сапиенс

Литургия закончилась. Мощный орган
испустил угасающий вздох.
Из собора Петра выползал Еруслань.
Где же взмах мощной длани? Очей ураган?
Где же Мул? Контрабас?
Где же тот мальчуган,
что сидел у истока дорог?

Еруслань был один. Серо-синий туман
застилал горизонта широкий экран.
Где-то тихо и грозно гудел барабан,
словно сыпал о стенку горох.
С треском, будто бы хрюкнул огромный кабан,
повалился на землю подъемный кран
с искалеченных вдребезги ног.
И от страха и грусти старик Куприян
(он, поверьте мне, не был ни капельки пьян),
сунув руку в карман, раздавил там стакан,
полный черных мистических блох.

Тот же отрок в те же годы,
в те же самые часы
любовался небосводом
и отращивал
усы.

Глава 4.

Сёма пытается самоутвердиться

Не ходи по косогору - сапоги стопчешь.

К. Прутков

Уж умер Еруслань. В саду опали листья.
Промчался ветер, волоча свой шлейф.
И стало в мире чуточку солидней,
и вряд ли стало чуточку теплей.
Земля вращалась так же, как и ране,
и только иногда Земная Ось
вздыхала, думая о Еруслане,
и что им свидеться не довелось.

Да, не был Рыцарь наш на полюсах ни разу.

Ну, что ж!

Как говорил священник водолазу:

“ Мир - ложь!”

Навек с тобою, Рыцарь, расстаюсь я.

Судьба.

Что скажем? “Жди меня, моя Маруся!”?

“Я видел светлый день - в России нет раба!”?

А с Семой творились невероятные вещи.
Он снял галоши и бросил в урну.
Потом, трагически и зловеще,
Заявил :”Не желаю быть культурным!
Хочу быть ясным, как телеграфный столб!
Хочу глотать автомобильные шины!
Мне начхать на диод и на автостоп,
На цилиндры, блюминги и бормашины!
Я хочу, чтоб деканы солили зайцев,
Чтобы самый лысый завил свой чуб -
В общем, вас не касается,
Чего Я хочу!!!”

Глава 5.

С ё м а б о г о х у л ь с т в у е т

*Я изнемог и сокрушен чрезмерно,
кричу от терзания сердца моего.*

Пс. 37: 9

На горизонте черном и багровом
взошла кровавым черепом Луна.
Стояла тишина. И только на
горе высокой плакала корова.
О, так тосклив был этот жуткий плач,
что даже старый Хельмутский Палач
перекрестился жилистой рукой
и молвил тихо: “Боже, упокой
несчастливого...” И головой поник.
Все было тихо. Но ужасный крик
вдруг разорвал покровы тишины!!!

Т о С ё м е с н и л и с ь с н ы .

И снится дивный сон Семёну -
не снились вам такие сны? -
что он по городу в кальсонах
идет, забыв одеть штаны.
Вокруг вопит толпа, ликуя,
и тычет пальцами народ...
Меланхолически тоскуя,
Семён по городу идет.
Ему ничто людские сплетни
и пересуды нипочем.
Но вдруг какой то малолетний
ударил Сему кирпичом!

Охваченный эпической тоской,
Семён вскричал: “О, жалкий род людской!”

Эпилог
Феникс из пепла

*Мечтами наполненный новыми,
Исполненный свежими силами,
Сие знаменую: лиловыми
Пишу я отныне чернилами.
Граф Толстой.*

Вертится мир, подчиняясь железным законам,
В вечном движенье сплетая пылинки планет.
Вертится мир. Ни галактикам, ни электронам,
Ни человеку покоя в движении нет!

Был Еруслань, и на смену пришел ему Семёма.
Вот, подчиняясь природе, ушел и Семён.
Ныне лишь имя его, бестелесно и невесомо.
Что из того, что талантлив он был и умен?

Но в мириадах веков бесконечны частиц сочетанья.
Снова сойдутся частицы, и вновь образуют тела.

Вечно живет разрушенье, но вечно живет созиданье.
Слава тебе, Вероятность, хоть ты и ничтожно мала!

Слушай меня, неокрашенный отрок, дитя человечье,
Уши свои распахни и захлопни плотнее свой рот.

**Знай: во Вселенной,
в пространстве и времени вечной,
Вечно живет Еруслань,
и Семён бесконечно живет!**

ФУГА ДЛЯ ВЕРБЛЮДА С ОРКЕСТРОМ

Егор Иваныч Макинтош
Любил кататься на верблюде.
Когда, на всадника похож,
Он приезжал к своей Гертруде -
Ей это было - в сердце нож.

Но он, ни мало не смутясь,
Так чванно ездил на верблюде,
Как будто благородный князь!
Напрасно возмущались люди -
Он ехал, не оборотясь.

А дело было просто в том,
Что он, катаясь на верблюде,
В горб упираясь животом,
Был много менее паскуден,
Чем если бы ходил пешком.

Егор Иваныч Макинтош!
Не слишком чванься на верблюде!
Пройдут года, и ты поймешь,
Что жребий твой не слишком труден.
Вот если бы верблюд был - ёж!..

С О Н Е Т Ы

1. К МУЛЬТИПОЛЮ

О спесь частиц, врывающихся в поле,
Я вижу, разбиваются умы.
“Мы этого не проходили в школе!” -
Сказал мне с грустью сморщенный румын.

Труби, труба! Яритель, формул знаки!
Сшибайтесь в кучу, символы миров!
Потенциалы, словно злые вурдалаки,
грызут умы надувшихся ослов.

И напрягается трепещущая лира,
струна гудит, надрывно и жужжа,
И чтоб она умолкла, дам я четверть мира -
но нет, нейдет из-под хвоста вожжа!

И в ужасе оглохшая квартира
трясется, мелкой дрожью дрожа.

2. К НИМФЕ

Когда, уткнувшись носом в чемодан,
О, нимфа, ты задумаешься нежно,
То мнится - дивный дар тебе богами дан:
Глядеть бессмысленно и безмятежно.

Тогда я раздуваю паруса
И мчусь к тебе, захлебываясь страстно.
Ты мне даришь свои немые телеса,
И это хорошо... но здорово опасно!

И я, шатаюсь, словно утконос,
Бреду назад, мурлыкая невнятно
Старинную мелодию под нос.

Ах, неужель вам это непонятно?
И я курю шесть пачек папирос -
Увы, о нимфа, это неприятно.

3. К СОВРЕМЕННОМУ

Амебы робкой нежные потуги,
И Гидры, и Эвглены бодрой мысль -
Вот ваш фундамент, дерзостные други,
Вот истины бессмысленнейший смысл.

Века ползут ленивой чередою,
И тяжело ступает Бронтозавр,
И над холодной, черною водою
Гигантская летает Стрекоза.

Дух предков чти, веселый внук мартышки!
Сейчас ты благороден и силен
И очень умные читаешь книжки -

Но жизнь твоя пройдет, как легкий сон,
Как ящеры, скакавшие вприпрыжку,
Потоком времени ты будешь унесен.

ВОСПОМИНАНИЯ О ТРИГЕМИНАЛЬНОМ ТРАКТЕ
*(в работе частично использованы материалы отчета по
хоздоговору N 1581 каф. физиологии РГУ, 1980 г)*

Печальна жизнь в тригеминальном тракте.
Там черные нетопыри в скафандрах
блуждают по размазанным пространствам
и, по субботам забываясь пьянством,
рычат невыразимо и трагично.
Там струй угрюмых толстые потоки
полощутся и ноют, как Медузы,
и хохот неприкаянной Эмпузы
в предплечьях замораживает соки.

Торчат сквозь мрак невидимые ветки,
колючие, как жабры аксолотля,
кричат в тоске киты на сковородках,
не понимая ничего на свете.
Сверлящий иероглиф подсознания
вонзается торчком в Гассеров ганглий,
бессовестный, осатанелый, наглый,
как Геббельса роскошное издание.

Тупые таламические ядра
глядят во тьму, как страшные улитки,
унылы, толстомясы, неумыты -
реторты ботулического яда.

Войди в тригеминальный тракт Гомера
Иль Гегеля - нет разницы ни грана.
И странно нам, что это нам не странно,
а в сером веществе все так же серо!

НА КУХНЕ

Жужжит холодильник, надрывно, как зуб
ноет,
как будто бы карла в корыто козу
доит,
упруго взрываясь, вгрызаются в дых
струи,
но щелкнуло что-то, и вот он затих.
Fruí !

От старого крема под ложечкой так
пошло,
и в глотке содом, и во рту кавардак -
тошно.
Как уши грязнуль, невытых кастрюль
пасти,
а на сердце - тишь, и хочется лишь
счастья!.

ГАЛАНТНЫЙ ГОЛЛАНДЕЦ

Жил в Голландии голландец
по фамилии Галантер.

Всех голландцев был галантней
Шмуль Израйлевич Галантер.

Как же этот Шмуль Галантер
всех сумел перегалантить?

У галантного еврея
магазин “ГАЛАНТЕРЕЯ”!

УКРОП И СУПРУГ

Укроп упруг. Суров супруг.
Но их единство несомненно.
И руки ласковых подруг
ласкают их попеременно.

Укропа дух. Супруга плоть.
На свете нет прекрасней доли.
Но следует укроп полоть.
И надобно супруга холить.

Эллады мраморного сна
не видит дряхлая Европа...
А чтоб еда была вкусна -
жена, добавь туда укропа!

ВДОХНОВЕНЬЕ

Вдохновенья чистый воздух
наполняет счастьем грудь.
Даже при смерти не поздно
вдохновения вдохнуть!

Микроротики травинок,
раскрывая ходы внутрь,
растворяют херувимов,
вместе с воздухом вдохнув.

Воздух, воздух! Сок небесный!
Птиц ты поишь на лету,
и срывается отвесно
стриж, стригущий пустоту.

Но в напрасном нетерпении
надувается индюк,
растопыренные перья
замыкая в серый круг.

Так, лениво и нелепо,
жизнь постигший идиот
раздвигает брюхом небо,
сквозь которое идет.

ЧАЙНИК

Я в Земном Шаре
просверлю дырку
и трубу вставлю.
Ты прости, мама,
что смотрю дико:
я храню тайну.

Я храню карты,
я храню звезды
и большой глобус.
Я найду ручку,
я найду крышку -
помогай, Логос!

Будет пар - тучей,
будет свист громкий,
до небес - бульбы!
В школе нас учат,
чтоб не быть робким
и вершить судьбы.

Мой большой чайник,
мой родной шарик,
голубой, серый -
тучи ночами
над тобой шарят,
не робей, веруй!

Много волн разных
по тебе ходят -
не робей, чайник.
Ты ведь так развит
и превосходен
необычайно!

СЧИТАЛОЧКА

Аны, баны, димедрол.
Жил в кармане толстый крол.
Ики, пики, аспирин.
В шапке жил еще один.

Как-то раз, как-то раз
дядька Фишкин крикнул: "Пас!"
Опрокинул старый стул,
повалился и заснул.

Тыры, пыры, сальварсан.
Кролик в ухе почесал.
Дынза, бынза, мисклерон.
Из кармана вылез он.

На дворе была весна.
Пробудившись ото сна,
дядька Фишкин подышал
и надул зеленый шар!

Эрчик, перчик, нафталин.
Кролик нынче не один:
пьют они коньяк и бром
с дядькой Фишкиным втроем!

О СЕРЬЁЗНЫХ ДЕЛАХ

Копчение окороков,
Обучение отроков,
Выращивание турнепса и фасоли

Требует знаний, умения,
И большого напряжения воли.

Испытание пороховниц,
Воспитание отроковиц,
Выбивание международного кредита –

Всё это очень дорого
И сердито!

ДЕМОСИЙ РЫЖИЙ, КОНОПАТЫЙ

А. Ф. Лосеву

Рыжий Демосий, презреннейший раб Аристиды кривого
В тряпке потертой и молью побитой хранил, нечестивец,
Драхму сто двадцать одну возле статуи Гермеса
В храме богини Афины близ славного города Фивы.
Каждую среду и пятницу, раз в две недели во вторник,
Мерзкий Демосий, взобравшись на храма верхушку,
Метко мочился оттуда на спины случайных прохожих,
Портя котурны им и златотканые тоги.
Раз - это было во вторник - мудрец, проходивший
Голову кверху задравши, узрел негодяя,
Вытер лицо и, кротко к нему обратившись,
Рек: “Ты, что стоишь в вышине там, подобный фонтану,
Знаешь ли ты, что такое Римана функция-дзета?”

“Нет!” - скромно Демосий отвечивал,
И продолжал свое дело.